

НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ РУССКОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБЛАСТИ ОБЩИХ ВОПРОСОВ СИНТАКСИСА.

Русская учебная литература по грамматике представляет из себя в настоящий момент совершенно исключительное явление. В то время, как учебная литература по всем вообще дисциплинам, во всех странах и во все времена в изрядной мере грешит приверженностью к шаблонам, а учебная литература по грамматике всегда и везде грешит ею в особенности, русская грамматическая учебная литература *растеряла сейчас все свои шаблоны*. Трудно указать в новейшей русской литературе такие два учебника или учебных пособия, которые были бы согласны между собой во всех хотя бы только основных положениях своих, не говоря уже о деталях. Каждый составитель учебника или учебного пособия ищет на свой страх и риск новых путей, не доверяя старым. В то же время учебники составляются не только рядовыми школьными преподавателями, как это имело обычно место в дореволюционную эпоху, а и профессорами и преподавателями высших учебных заведений, и даже преимущественно ими. Такие университетские преподаватели, как Булаховский, Гипиус, Дурново, Карцевский, Петерсон, Пешковский, Ушаков и др., пишут учебники или учебные пособия, проводят в них свои научные системы и по мере изменения своих взглядов перерабатывают эти учебники, или даже пишут взамен прежних совершенно новые. Для школы это явление может оказаться связано и с некоторыми отрицательными сторонами. Но для науки оно представляет чистую выгоду. Особенно это относится к *общим* вопросам. Ввиду того, что русская пореволюционная школа совершенно отказалась от догматизма в преподавании (особенно на ранних ступенях его) и перешла к исследовательскому и трудовому методам, составители учебников уже не могут повторять традиционные грамматические определения, сплошь и рядом не выдерживающие серьезной критики. Они должны быть готовы к тому, что эту критику они встретят со стороны учащихся. Таким образом им приходится заново передумывать все основные «проклятые» вопросы грамматики и особенно синтаксиса. В результате, с одной стороны, намечаются совершенно новые решения, с другой стороны ставятся на обсуждение и новые вопросы. В то время как в истории научной

мысли практика всегда зависела от теории, здесь мы имеем интересный случай обратного воздействия педагогической практики на теорию.

Здесь не место, конечно, вдаваться в изыскание социальных причин этого явления. Но на случай, если бы присутствующие хотели все таки получить хоть какое нибудь разъяснение по этому поводу, укажем на следующие предполагаемые нами причины:

1. упомянутое уже выше методическое направление в пореволюционной русской педагогике;

2. образование в связи с пролетаризацией всего просвещения вообще огромных кадров *взрослых* учащихся, обладающих, при всей своей неподготовленности, конечно, гораздо более сильным критическим аппаратом мысли, чем это имеет место у ребенка, и предъявляющим к педагогам и учебникам соответственные требования;

3. наличие еще и в дореволюционной русской лингвистической литературе тесного контакта между лингвистической и педагогической мыслью (Востоков, Буслаев, Срезневский, Потебня, Фортунатов, Ушаков, Овсяннико-Куликовский, Пешковский), приводившего нередко русских ученых к суровой критике традиционных школьно-грамматических шаблонов;

4. общие *прикладные* устремления советской культуры, связанные с социалистическим строительством и срочной реконструкцией народного хозяйства;

5. свойства самого *русского языка*, представляющего своими явлениями *безглагольности* всех предикативных сочетаний со значением настоящего времени и полного отсутствия *личных примет* у известной части форм спряжения колоссальные трудности в деле определения понятий предложения и спрягаемого глагола;

6. относительная *молодость* русской культуры, позволяющая ей не так крепко цепляться за вековые грамматические шаблоны.

Но обратимся от причин к интересующим здесь нас следствиям. При этом мы должны предупредить слушателей о трех вещах. 1. Под учебной литературой мы будем разуметь здесь только литературу для низших и средних школ, а не для высших. Учебники для высших школ так тесно переплетаются с собственно-научной литературой, что провести разграничительную линию здесь было бы затруднительно. 2. Под «достижениями» мы будем понимать с одной стороны постановку новых научных вопросов, с другой стороны такое разрешение и старых и новых вопросов, которое нам лично представляется если и не абсолютной истиной, то по крайней мере одним из возможных *приближений*

к ней. В этих пределах к «достижениям» могут быть причислены и гипотезы, от части противоречащие друг другу. Однако то, что нам представляется явным *уклонением* от истины, не будет здесь затронуто, хотя бы и исходило от высоко-квалифицированных ученых специалистов. Настоящий доклад не есть библиографическая работа, и понятие «достижения» не может быть совершенно освобождено от элемента субъективности.

3. В числе достижений будут упоминаться и такие, которые после помещения их в учебниках были опубликованы и разработаны теми же авторами уже в собственно-научных их трудах. Нам думается, что, поскольку эти утверждения впервые появились на свет в области именно учебной литературы, они должны быть при разработке данной темы затронуты.

Самым общим и в то же время самым основным, обуславливающим многие частные выводы, достижением рассматриваемой литературы мы считаем настойчивое проведение в ней определенного взгляда на самую природу грамматической формы. Взгляд этот сводится к тому, что природа эта *двоякая*, внешняя и внутренняя, и что всякая форма помещается, так сказать, на *стыке* своей внешней и внутренней стороны. Нельзя сказать, чтобы с пониманием термина «форма» в науке все обстояло благополучно. Трудность определения некоторых формальных значений, частые и зияющие противоречия между формальным смыслом слова или словосочетания и реальным, наконец многозначность огромного большинства форм, при чем между отдельными значениями одной и той же формы невозможно провести никаких соединительных линий — все это приводит к тому, что «форма» нередко прямо противопоставляется «смыслу», «идее», т. е. понимается или, по крайней мере, изображается как нечто чисто-внешнее, звуковое. С теоретической точки зрения это, конечно, явно несостоятельно, так как совершенно непонятно, как можно было бы *различить* в языке ту или иную форму именно как *форму* (а не как фонему или сочетание фонем), если бы у нее не было никаких внутренних признаков. Однако целые труды нередко зиждятся на этом противопоставлении «формы» «смыслу» (ср. напр. Ferdinand Brunot, «La pensée et la langue»), и во всяком случае к нему прибегают всегда, когда истолкование внутренней стороны формы встречает препятствия (ср., напр., о грамматическом роде у Meillet в его «La linguistique historique et la linguistique générale», стр. 203 и сл.) Если при этом понимание грамматической формы получает, как уже сказано, чисто-внешний, звуковой характер, то нередки и обратные истолкования формы исключительно со стороны значения ее. Так, важнейшая

форма словосочетания, предложение, определяется и по сей час по б. ч. с одной своей внутренней стороны как «связное и законченное целое» без указания тех *внешних средств*, которыми выражается эта цельность, связность и законченность. Даже в тех случаях, когда в определение вводится как необходимый признак наличие спрягаемого глагола, отсутствует указание на то, в каких же отношениях стоит этот внешний признак к внутреннему, т. е. почему внутренняя цельность и законченность связана непременно с наличием спрягаемого глагола. Оба признака представляются просто сосуществующими, а не как «обозначаемое» и «обозначающее». Точно так же при истолковании значений частей речи совершенно обходится вопрос о том, в каких именно формальных приметах той или иной части речи локализуется то или иное значение. Если, напр., автор признает так назыв. «опредмечивание», т. е. единый оттенок субстанциальности, как сущность категории существительного, то он ставит на этом точку и не исследует вопроса, где именно локализуется своим внешним выражением этот оттенок, в основах ли существительных или в падежных флексиях. Таким образом и тут внешнее определение той или иной части речи («слова, имеющие такие-то формы» или «изменяющиеся так-то и так-то») и внутреннее («слова, имеющие такое то формальное значение») оказываются друг с другом ничем не связанными. В таком же положении находится в науке и понятие «зависимости» членов предложения друг от друга. Если просматривать, напр. последнюю работу Бругмана (*Die Syntax des einfachen Satzes*), то нетрудно убедиться, что термин этот (*Abhängigkeit*) проходит красной чертой по всей книге, а соответствующее понятие лежит в основе всех построений автора. Однако, что представляет из себя эта «зависимость» с внешней стороны, как *распознается* она в языке, какими *внешними* признаками определяется, что такое то слово зависит от такого то, а не наоборот, — все это остается совершенно незатронутым. Совершенно иную картину имеем мы в рассматриваемой литературе. Здесь прежде всего декларируется неразрывность внутренней и внешней стороны формы. «Форма», читаем мы в одном из учебных пособий (VI, стр. 26)¹ «как и отдельное слово . . . , представляет единство звуковой стороны и значения. Одни звуковые различия не составляют формы. Так например, *женою — женой, мною — мной, . . . или чтобы — чтоб*, в которых с звуковыми различиями не связано различие в значении, понимаются, как звуковые варианты одной и той же формы. С другой

¹ См. «Приложение».

стороны, и одни различия в значениях также не составляют формы. Так, в слове *слепой*,... с формальной принадлежностью *ой* связано несколько значений, но все таки это — одна форма. .» Соответственно, при истолковании тех или иных грамматических явлений всегда делается упор на соотношение внутреннего и внешнего. Конечно, значения грамматических форм не могут раскрываться в учебниках сколько нибудь углубленно. Здесь может проявляться лишь общая тенденция не оставлять ни одной формальной приметы если не без истолкования, то по крайней мере хотя бы без намека на какое либо истолкование. Эта тенденция фактически и проявляется всегда при трактовке даже таких трудных со стороны значения форм, как падежные формы существительных или родовые формы прилагательных и существительных. В одном из учебников (VII, ч. II, стр. 104), напр., говорится: «сравните *корм лисы* и *корм лисе*. Одно и то же это по смыслу или нет? Сравните еще *даю лису* и *даю лисе*. Одно и то же или нет?» В другом учебнике (I, стр. 21) при разъяснении родовых форм прилагательного говорится: «формы эти называются... родами — *мужеским, женским и средним*, потому что слова на *ый (ий)* употребляются при названии мужчин, на *ая (яя)* — женщин, а в составе слов, причисляемых к среднему роду нет таких, в которых был бы для нас ясен пол.» В третьем учебнике (VIII, ч. II, стр. 14 и сл.), предназначенном для самых маленьких детей, при разъяснении понятия о связи слов внутри предложения даются такие примеры: «Брат нарисовал сестре красивую картинку, сестра нарисовала брату красивую картинку, сестра и брат нарисовали красивую картинку, брат красиво нарисовал сестру на картинке, сестра красиво нарисовала брата на картинке», и из этих фактов делается такой вывод: «Слова, чтобы складываться в сказы, постоянно меняют свои окончания. Каждая перемена имеет свое значение» (курсив авторский). Но все это, конечно имеет только принципиальное значение. В области же отыскания звуковой или вообще внешней базы для главнейших грамматических значений, учебники более свободны в средствах, и здесь то и намечаются определенные достижения. Мы распределим рассмотрение их по тем самым пунктам, в которых мы нашли выше недостаточный учет внешней стороны дела в научной литературе.

I. ПОНЯТИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Здесь прежде всего надо отметить точное разграничение *собственно-формальных*, или звуковых, и *ритмо-мелодических* средств выражения, создающих то или иное внутреннее единство, и соответственное раз-

границение понятий «предложения» и «фразы». В этом отношении в синтаксической литературе господствует, собственно говоря, недопустимое смешение понятий, ярким выразителем которого являются термины: «сложное предложение», «главное предложение», «придаточное предложение». В самом деле, установив, как основу всей системы, что «предложение» есть выражение единого, цельного и законченного смысла, авторы в дальнейшем, когда дело доходит до так называемых «сложных предложений», всегда называют «предложениями» части этих единиц, явно незаконченные по смыслу (главное и придаточное «предложения»). Точно так же, установив, что каждое предложение должно заключать в себе одно *verbum finitum* с относящимися к нему словами, они дальше считают сложным «предложением» сочетание какого угодно количества подобных групп. На первый взгляд может показаться, что эта путаница — только терминологическая, на самом же деле она связана с неразличением собственно-грамматических и ритмо-мелодических средств выражения. Общеизвестно, что так называемое «сложное предложение» как единство отнюдь не обуславливается наличием союзов между отдельными предложениями его составляющими и отсутствием союза между данным отрезком речи и последующим. Напротив, внутри сложного предложения союзов может не быть, а после него речь может начинаться союзами *и, но, а* и т. д. Но каковы же тогда внешние приметы сложного предложения, как единства? Очевидно, *только ритмо-мелодические*. Ритмо-мелодическая незаконченность отдельных частей, его составляющих, соотносительность их в отношении ритмо-мелодики друг с другом и, наконец, ритмо-мелодическая законченность всего отрезка, взятого в целом, — вот, очевидно, те внешние средства, которые выражают здесь внутреннюю цельность и законченность. Но те же средства выражают и внутреннюю цельность и законченность отдельного простого предложения. Такое предложение тоже по большей части бывает с ритмо-мелодической стороны двухчленным или многочленным («мой двоюродный брат|| сегодня не придет», «вот эту записку|| передашь дворнику», «завтра утром|| это объявление|| будет расклеено повсюду», и т. д.), и формы ритмо-мелодической соотносительности между такими группами слов и ритмо-мелодической законченности целого абсолютно ничем не отличаются от форм той же соотносительности и той же законченности в сложном предложении. С другой стороны, и сложное предложение может в известных случаях, и при том типических, а не случайных, не проявлять никакого ритмо-мелодического членения. Так, если в сравнительно небольших по объему сложных предложениях одно

какоенибудь слово получает особенно сильное и резкое фразное ударение, то все последующие слова нанизываются на это слово в слабоударном тоне, и расчленения не происходит («а где деньги, что я здесь оставил?», «так вот она ваша доброта, котрой вы меня попрекали!»). Таким образом получается, что единственным признаком сложного предложения как единства является ритмо-мелодика, а в этом именно отношении сложное предложение ничем не отличается от простого. Единственно возможный вывод отсюда, — что сложное предложение отличается от простого не как единство, а только как множество. Другими словами, оно отличается только тем, что оно как раз не предложение, а сочетание предложений. Если мы условимся называть всякое ритмо-мелодическое единство, выражающее законченную мысль, «фразой», при чем в это понятие не включим абсолютно никаких собственно-формальных признаков, а с другой стороны — всякое собственно-формальное единство, выражающее законченную мысль, «предложением», не включив в него абсолютно никаких ритмо-мелодических признаков, то соотношение между этими двумя понятиями установится чрезвычайно простое и ясное: так называемое «простое предложение» будет «односоставной фразой», а так называемое «сложное предложение» — «двосоставной» или «многосоставной фразой», причем под отдельным «составом» будет разумеаться именно то, что выше названо «предложением» (термины «односоставный» и «многосоставный» приходится употреблять только из-за неуклюжести терминов «однопредложенский» и «многпредложенский»). Тогда и термины «главное предложение» и «придаточное предложение» получат полное право на существование. На этой именно позиции и стоит большинство русских учебников. Правда, относительно терминов здесь еще нет договоренности. В одном учебнике, например (VII), ритмо-мелодическое единство называется «сказом», собственно-формальное — «предложением», односоставное ритмо-мелодическое единство то «сказом», то «предложением», смотря по тому о какой стороне дела идет речь, и, наконец, многосоставное ритмо-мелодическое единство — «сложным целым». В другом учебнике (I) для ритмо-мелодического единства употребляются термины «сказ», «фраза», «синтаксическое целое» (термин, унаследованный еще от Овсянико-Куликовского), для собственно-формального — только «предложение», а для многосоставного единства совсем нет термина (говорится просто о способах связывания предложений друг с другом). В третьем учебнике (V) только «фраза» и «предложение», причем фраза, состоящая из нескольких предложений,

тоже никак особо не называется. В четвертом учебнике (II) «простая фраза», и «сложная фраза», с одной стороны, и «предложение», с другой. В пятом учебнике (IX), наоборот, для ритмо-мелодического единства избран термин «предложение», а внутри этого понятия различаются по формальному составу «простые» и «сложные» предложения, причем последние делятся на «двух-составные» и «много-составные». Самые «составы» эти автор уже нигде и никогда не называет «предложениями», а только «частями сложного предложения», оговорив условность этого термина. В шестом учебнике (III, стр. 80) тоже находим один только термин «предложение» с подразделением на простое и сложное, и даже части сложного предложения называются «предложениями», но со следующей характерной оговоркой: «отдельно взятые, как главное так и подчиненное — не являются вполне законченными грамматич. рядами (название их «предложениями» имеет, следовательно, до некоторой степени условный характер)» (курсив автора). Дело здесь, конечно, не в терминах, а в том, что все авторы, как видим, проводят принципиальное различие собственно-формальных и ритмо-мелодических средств в деле выражения того внеязыкового единства, которое принято называть «мыслью» или «суждением». Несомненно, что средства эти действительно по природе своей совершенно различны и что процесс речи представляет собой непрерывное и сложнейшее скрещение их обоих. Ближайшей основной задачей синтаксиса представляется нам как раз изучение всех деталей этого скрещения. Но для того, чтобы приступить к нему, надо предварительно различить сами скрещивающиеся элементы в их отдельности, и вот это то и проводится в русских учебниках.

Что касается более детальных определений «фразы» с одной стороны и «предложения» с другой, то судьба этих понятий в нашей литературе не одинакова. Относительно «фразы» все решительно учебники единодушны в том, что под ней надо разуметь отрезок речи, характеризующийся одной из трех ритмо-мелодических фигур: законченно-повествовательной, вопросительной или восклицательной (на письме точка, вопросительный или восклицательный знаки). Фигуры, отмечаемые на письме запятой, точкой с запятой и двоеточием (а эти фигуры тоже изучаются с ритмо-мелодической стороны, см. ниже) единодушно приписываются лишь частям фраз, а не целым фразам. Напротив, относительно предложения существует довольно большое разнообразие мнений. Один авторы (из здесь цитируемых I, II, III, V, VII, VIII, X), не смущаясь обязательной безглагольностью в русском языке таких предложений как «я добр», «он учитель», «он дома», «я в сюртуке» и т. д. при-

равнивают русское предложение к предложению зап.-европейских языков и считают и тут основным признаком наличие *verbum finitum* фактического или нулевого («отрицательного»), т. е. приравнивают в отношении средств языкового выражения обязательное отсутствие глаголов в этих случаях к обязательному отсутствию аффикса в так называемых «нулевых» формах отдельных слов (стол, рук, нёс и др.). Другие (IX и, повидимому, IV) не находят возможным проводить такую параллель между синтаксическими и морфологическими средствами языка и усматривают в выше-приведенных примерах не составной предикат, а простой. Соответственно, основным признаком предложения у них является не наличие *verbum finitum*, а только предиката вообще, при чем в роли предиката могут быть самые разнообразные формы и прилагательных, и существительных, и наречий. Формальные способы выражения такого предиката остаются, правда, у этих авторов лишь слабо намеченными. Наличие нескольких предикатов при одном субъекте также трактуется различно: по одним (VII) это несколько предложений, по другим — одно предложение («предложений в отдельной фразе столько, сколько есть глаголов, относящихся к различным лицам», I, стр. 34, курсив автора). Кроме того некоторые авторы (VII) признают самостоятельную предикативную функцию не только за *verbum finitum*, но и за следующими формами: 1. инфинитивом, когда он синтаксически изолируется, т. е. ничему не подчиняется и произносится с определенного рода интонациями («Не нагнать тебе бешеной тройки!») и 2. именительным падежом существительного при тех же интонационных условиях. Этого рода именительный («Поздняя осень. Грачи улетели...», «Шопот... робкое дыханье... трели соловья...») они называют «бытийным» или «экзистенциальным». Другие (IX) видят здесь обычное подлежащее при опущенном сказуемом, третьи (I) не видят здесь совсем «предложений», а только «слова-названия» или «назывные сочетания», соответствующие отдельным представлениям, а не мыслям, и приравнивают их в этом отношении к так называемым обращениям. В некоторых, очень немногих случаях (вроде «воспоминания! Как острый нож они» или «Москва! как много в этом звуке и т. д.») именительный «представления» признают и те, которые в огромном большинстве этого рода случаев видят именительный «экзистенциальный».

Отметим еще, что все решительно авторы, лишь с большей или меньшей степенью отчетливости, признают еще один конститутивный признак предложения: непрерывность синтаксических связей между словами. В этой области русская учебная литература выработала даже осо-

бое понятие и термин: «грамматический ряд слов» (II, стр. 9, III, стр. 8 и сл.). Предложение, с этой точки зрения, если только оно не однословно, представляется *«законченным грамматическим рядом слов»*. Правда, относительно самых границ, отделяющих один законченный ряд от другого, существует принципиальное расхождение. По одному автору (VIII, стр. 198), напр., границы эти совпадают с границами *предложений* («связь слов в сказе может в определенных местах *разрываться*. От этого получают отдельные ряды слов, связанных между собой согласованием, управлением или примыканием. Такие ряды называются *предложениями*», курсив авторов), по другому (III) — с границами фраз (срав. цитату выше). Но во всяком случае самый признак *непрерывности* связей, естественно характеризующий ту или иную синтаксическую величину как *единство*, признак, довольно слабо намеченный в литературе, здесь приобретает должный вес и место. А это тем важнее, что самое понятие «синтаксической связи» рассматриваемая литература стремится, как увидим ниже, прикрепить опять-таки к определенным *внешним* показателям.

II. ЧАСТИ РЕЧИ.

Здесь, как уже упоминалось, бросается в глаза прежде всего стремление локализовать значение частей речи в определенных формальных приметах. В одном из учебников, напр. (VII, ч. III, стр. 90 и сл.), отстаивающем оттенок субстанциальности («предметности») как единое формальное значение всех существительных, конститутивное для самой категории, указывается на то, что такие существительные, как «чернь», «мязь», «ложе», «лог», «ход» (в экипаже) и т. д., образованные от *непредметных* основ без помощи словообразовательных элементов, обозначают в то же время настоящие, осязаемые и видимые предметы. Отсюда делается вывод, что словообразовательные элементы существительных играют лишь вспомогательную роль в выражении оттенка предметности, а что главная роль здесь принадлежит (в современном языке, конечно) *падежным флексиям*. Тот же учебник, сводящий категорию глагола вслед за Потемней к единому значению *действенного* признака предмета (надо заметить, что в этом пункте он расходится со всеми остальными учебниками, которые либо продолжают традиционные «действие и состояние», либо прибавляют сюда еще «становление»), задает ученику такую задачу: «сравните такие глаголы, как «ест» и «даст» (хотя их *всего два* в языке) с такими как «ходит» «танцует», «бе-

леет», «дает» и т. д. (т. е. со всеми остальными), и решите, необходимы ли для выражения основного оттенка, найденного вами в глаголах, внутренние суффиксы, или достаточно суффиксов спряжения, т. е. суффиксов лица и времени» (стр. 97, курсив везде авторский).

Все подобного рода наблюдения имеют не только то значение, что устанавливают реальное, подлинно-языковое (а не отвлеченно-логическое) бытие данных категорий для данного языка, а и то, что заменяют обычную ориентировку на праязычную эпоху (где многие из тех значений, которые сейчас локализируются в аффиксах склонения и спряжения, локализовались действительно еще только в основах) ориентировкой на современность, что при изучении современного состояния языка, конечно, необходимо.

Далее, при решении вопроса о том, какие именно части речи должны быть признаны в русском языке, намечаются также некоторые сдвиги, имеющие общее значение. Наибольшие разногласия возбуждает категория наречия. Одни (большинство) приписывают этой категории вслед за Потемней только значение признака 2-ой степени, или, как выражался Потемня, «признака признака» и на этом основании выбрасывают из нее такие слова, как «нельзя», «жаль», «нужно» и т. д., которые никогда не определяют собой ни глаголов, ни прилагательных. Другие (IV, стр. 12) признают за наречием только отрицательное значение и определяют его так: «Наречиями принято называть полнозначные слова (не частичные и не междометия), не принадлежащие к классам существительных, глаголов и прилагательных», соответственно включая вышеприведенные слова в наречия. Далее, относительно качественных наречий, образованных от прилагательных (на -о и на -ски, как «красиво», «мастерски» и т. д.), а также относительно деепричастий и инфинитивов наблюдается разногласие по вопросу о том, какого рода это категории: «словообразовательные» или «словоизменительные». Большинство авторов продолжает вслед за Фортунатовым считать их «словообразовательными» и соответственно исключать из их значений элемент синтаксический — обозначение отношений между словами. Но некоторые (I, стр. 55) включают и этот элемент: «Этой же цели — указывать на связь между словами (перед этим говорилось о флексиях, А. П.) — служат суффиксы в окончаниях слов несклоняемых и неспрягаемых, кроме того обозначающие и известные изменения смысла самого слова: срвн. — ударил сильно, ударил сильнее; сильно, сильнее могут примыкать только к глаголу, неопределенной глагольной форме, причастию и деепричастию». А некоторые идут и еще дальше и сводят функции этих

категорий (всех или некоторых из них) *только* к синтаксическим. Так, относительно качественных наречий вышеуказанных типов мы у одного из авторов (IV, стр. 12) читаем: «... собственно говоря, эти наречия по большей части не что иное, как форма прилагательных или причастий, указывающая на отношение их не к существительному, а к глаголу.» Соответственно и традиционное толкование этих разрядов как слов «неизменяемых» терпит большой урон. В одном учебнике (VIII, ч. I) они прямо причисляются к *изменяемым* словам (кроме бесформенных наречий, конечно). Именно, форменные наречия представляются входящими систему изменения прилагательного, а деепричастия и инфинитивы — глагола. Такой сдвиг нам представляется безусловным достижением. В самом деле, трудно понять, каким образом разница между «красивое писанье» и «красиво пишет», «сидит читая» и «сидит читает», «пойду выброшу» и «пойду выбросить» могла представляться до сих пор как несинтаксическая, т. е. как зависящая только от значений самих слов. Здесь, напротив, *вся* разница сводится только к разнице *отношений* между словами. Очевидно, здесь действовало только традиционное ограничение понятия «изменяемости» рамками склонения и спряжения, а само ограничение это создано, повидимому, только на базе отсутствия у данных форм таких соотносительных с ними, которые могли бы создать отдельную «словоизменяемую» парадигму. Но ведь это признак чисто внешний, существа дела не касающийся. Отметим еще в области наречий резкое отделение обстоятельственных наречий от необстоятельственных (VII, ч. III, стр. 129 и сл., и IV, стр. 13 и сл.). Этим устраняются традиционные, безусловно внутренне-противоречивые понятия «обстоятельства образа действия» и «обстоятельства количества», поскольку под «обстоятельством» действия можно понимать только внешние рамки его (место, время, повод и т. д.), но не качественные и количественные признаки самого действия. Здесь безусловно можно приветствовать и термины введенные одним из учебников (IV): наречия «определительные» и «обстоятельственные», с подразделением первых на «качественные» и «количественные». Наконец, следует отметить, что традиционная трактовка *местоимений* и *числительных* как частей речи, т. е. как рубрик, *соотносительных* с существительными, прилагательными, глаголами и наречиями, широко бытующая и сейчас в научной литературе, совершенно отвергнута русскими учебниками. Обе эти категории, конечно, наблюдаются и изучаются во всех их морфологических и синтаксических особенностях, но отдельными «частями речи» не признаются, и в этом пункте царит полное единодушие. Это новшество

(созданное, впрочем, не самой учебной литературой, а попавшее в нее из общих курсов Фортунатова) тоже представляется нам оправданным сутью дела.

III. ПОНЯТИЕ ЗАВИСИМОСТИ.

Понятие зависимости лежит в основе всех синтаксических систем, и прежних и нынешних, и однако теоретически это понятие чрезвычайно слабо разработано. В русской синтаксической литературе высказывалось даже мнение, что никакой «зависимости» слов и форм друг от друга в языке не существует, что понятие это не научно и является только пережитком антропоморфических представлений.² Такой взгляд мог быть высказан, конечно, только потому, что в науке, действительно, мало заботились о вскрытии той звуковой базы, которая создает наше ощущение зависимости одних звеньев связной речи от других. В рассматриваемой литературе эта база ищется и отчасти находится. Так, в одном из учебников, написанном для последнего года I ступени (VIII, ч. III) находим 4 ряда словосочетаний, выбранных из вышепомещенного связного текста и имеющих следующий вид: 1. день *стоит*, громады *ползут*, огороды *разкинулись* и т. д. 2. жаркий *день*, летний *день*, белые громады и т. д. 3. громады *облаков*, *ползут над землей*, ряды *капусты* и т. д. 4. *ползут лениво*, *раскинулись далеко*, *записывают стараясь*, *стараясь не пропустить* и т. д. Путем такого рода сопоставлений и соответствующих вопросов ученик подводится к следующим выводам: «Согласующееся слово всегда *зависит в своем окончании* от того слова, с которым оно согласуется. Управляемое слово всегда *зависит в своем окончании* от того слова, которым оно управляется. Примыкающее слово всегда *зависит в своем окончании* от того слова, к которому оно примыкает» (курсив авторов). А в другом учебнике (IV, стр. 24), предназначенном для II ступени (а по сильному, в сущности, только для преподавателей) тот же вывод уже отливается в следующую научную форму: «Подчиняющей или односторонней связью является такая связь между словами, когда одно из слов, входящих в словосочетание, обозначается известными формальными признаками, как *атрибут*³ (или определение) или *предикат* (сказуемое) к другому слову, являющемуся *определяемым* или *субъектом* (подлежащим), причем это другое слово

² Русский Филологический Вестник, т. LXXV, Е. К. Тимченко, рец. на книгу А. М. Пешковского «Синтаксис в школе».

³ Термины «атрибут» и «атрибутивный» употребляются в данном учебнике в широком смысле слова, охватывая все *непредикативные* виды зависимости.

не имеет формальных признаков, обозначающих его отношение к первому; таким образом отношение между словами, вступающими в связь, обозначено *только в одном из этих слов*» (последний курсив наш, все предыдущие — автора). А в дальнейшем «подчинение» и «зависимость» отождествляются в следующем примечании: «Термин *подчинение* — условный, указывающий на чисто грамматическое явление: форма одного слова *зависит* от другого, а форма другого не *зависит* от первого» (курсив автора). Мы считаем, что во всем этом ухвачена сущность явления, и не согласны с последним автором только в том, что термины здесь абсолютно «условны». Конечно, явление «подчинения» или «зависимости» — «чисто грамматическое», потому что логически и психологически подчиняемое слово всегда может быть гораздо важнее подчиняющего («получил пощечину», «получил вместо хлеба камень», «иди направо, а не налево» и т. д.). Но из того, что оно «чисто-грамматическое», не следует, что оно совершенно лишено своей собственной внутренней сущности. Сущность же эта понимается нами так, что *не всякий* термин сюда подошел бы, и, стало быть, термин «подчинение» не абсолютно условен (не даром автор, разъясняя его условность, употребил синонимичный термин «зависимость»). Нам представляется, что термин этот передает всё же наши грамматические ощущения, а ощущения эти определяются именно тем фактом, что одно из вступающих в связь слов *меняет свое окончание* для вступления в эту связь, а другое не меняет его; следовательно одно слово как бы *приспособляется* для вступления в связь с другим, а другое *не приспособляется*. Отсюда и восприятие нами слов первого рода как грамматически-зависимых, а слов второго рода как грамматически-господствующих. Как бы то ни было, мы видим, что здесь во всяком случае *ставится*, если не окончательно решается один из важнейших вопросов теории синтаксиса. Кроме того для случаев, когда «зависимое» слово бесформенно («гулял *вчера*», «*очень* умный» и т. д.) в первом из этих двух учебников производится следующее наблюдение. Даются примеры: «*очень* крупная рыба плескалась рано утром близко от берега», крупная рыба *очень* плескалась рано утром близко от берега», «крупная рыба плескалась *очень рано* и т. д.», «рано утром *очень близко* и т. д.» и делается такой вывод: «Если примыкающее слово неизменяемое, то оно не может зависеть в своем окончании от другого слова, но место его в предложении *зависит* от места того слова, к которому оно примыкает». Здесь опять таки делается попытка прикрепить внутреннее явление языка к их внешним выразителям.

На этом однако не кончается вопрос о зависимости, как он ставится в русских учебниках. Есть один деликатный пункт в этом вопросе, который как то всегда обходится теоретиками. Дело в том, что, когда мы говорим, что согласование прилагательного с существительным есть зависимость первого от второго в роде, числе и падеже, мы сливаем в одно три разнородных вещи разной степени очевидности. Наиболее очевидна зависимость рода: из сопоставлений «**добрый** день — добрая ночь — доброе утро» нетрудно вывести чисто внешним образом что отношение здесь выражено только в первом члене каждой пары. Но и здесь возможны случаи, когда внешность не выручает: «**верный** раб — верная раба». Где гарантия, что отношение выражено именно в первом члене, а не во втором или не в обоих? Относительно зависимости числа этот вопрос можно поставить уже всегда, потому что ведь всегда изменяются числовые показатели обоих слов: «**добрый** день — добрые дни». Но здесь (как и в случае «**верный** раб — верная раба»), можно еще прибегнуть к ссылке на то, что при *управлении* число и род существительных не могут выражать отношений между словами: «вижу раба, рабу, рабов, раб» обозначает совершенно одинаковое отношение, так же как «говорю рабу, рабе, рабам» — совершенно одинаковое другое отношение. Отсюда мы получаем как будто некоторое право (хотя не совсем бесспорное) утверждать, что число и род существительных вообще не способны выражать отношений и, перенося это их свойство на вышеприведенные сочетания, заключать, что и в них отношение числа и рода выражено лишь в прилагательном. Наконец, наименее очевидной является зависимость прилагательного от существительного в *падеже*. Ведь падеж-то существительных уж безусловно способен выражать отношения, и в этом и состоит его языковая служба. Где же гарантия, что в сочетаниях: «**добрый** день — доброго дня и т. д.» отношение между данными словами выражено именно в первом слове, а не во втором или не в обоих? Если по отношению к косвенным падежам у нас опять-таки есть возможность сослаться на управление, именно на то, что данная форма уже выражает одно отношение (нпр., «желаю дня») и, следовательно, не может выражать другого, то по отношению к именительному падежу у нас и этой лазейки нет. Здесь мы подходим к внутренней сути явления согласования, в которую обычно не вдумываются. Обычно говорится просто, что согласование есть подражание одного слова другому в таких то и таких то формах. Но если не вникать в значения отождествляемых форм, то как определить какое слово какому подражает? Нам кажется, что тут возможны только два выхода: или,

оставаясь на чисто-внешней, звуковой позиции, отвергнуть совсем учение о согласовании как об одном из типов зависимости и признать, что вообще никогда (кроме разве согласования в роде в тех случаях, когда существительное не изменяется по родам) ни одно слово не согласуется с другим,⁴ а всегда два слова согласуются друг с другом (к этому и приходили некоторые синтаксисты, напр., из русских, Будде); или, покинув чисто внешнюю точку зрения, связать явление согласования с грамматическими значениями самих вступающих в данную связь слов, и именно со значениями их как частей речи. Тогда ясно будет, что прилагательное согласуется с существительным, а не наоборот, потому что формы согласования обозначают в данном случае принадлежность признака, выраженного в прилагательном, предмету, выраженному в существительном. Точно так же будет ясно, что глагол согласуется с именительным падежом существительного, а не наоборот, потому что согласование выражает здесь (при содействии форм времени и наклонения) производимость признака, выраженного в глаголе предметом, выраженным в существительном. Третьего пути здесь как будто бы не дано. А между тем синтаксисты всегда (по крайней мере насколько нам известно) пребывают здесь в чрезвычайно неустойчивом, компромисном положении: с одной стороны согласование признается наравне с управлением одним из видов зависимости, и авторы говорят не о согласовании слов друг с другом, а о согласовании одних слов с другими — с другой стороны со значениями частей речи это не связывается. Конечно, решиться на признание такой связи — это значит вступить на определенную синтаксическую платформу, чуть ли не выявить определенное синтаксическое «мировоззрение». Потому что ведь объяснивши этим способом согласование в сочетаниях «добрый день», «яркая белизна», «хорошее пение» и т. д., придется признать, что и «день», и «белизна», и «пение» суть обозначения «предметов». Но мы-то как раз считаем, что в рассматриваемой литературе оттенок субстанциальности вскрыт и доказан как конститутивный для самой категории существительного. Вот почему мы считаем заслугой некоторых учебников, что они связывают понятие согласования со значениями частей речи, как это происходит, напр., в следующих строках (VII, ч. III, стр. 97): «Припомните, что говорилось в курсе прошлого года о разнице в значениях рода, числа, падежа у существительных и прилагательных. У каких из этих слов род, число и

⁴ Все, что выше сказано о согласовании прилагательных с существительным *mutatis mutandis* относится к согласованию глагола с существительным: раб пришел, раба пришла, рабы пришли и т. д.

отчасти падеж (когда он независимый) — *самостоятельные* по значению, а у каких — всегда *несамостоятельные*? Свяжите это со значением *предмета* и *признака*» (курсив везде авторский). Или в другом учебнике (III, стр. 16): «... изменение форм слова по падежам ... в словах, не изменяющихся по родам, связывается с представлением о предметах ... Изменение форм слова по родам связывается с представлением о качестве (качество есть, по своему существу, свойство предмета и приписывается обыкновенно ему); слово-качество в своей форме приспособляется к слову-предмету и в зависимости от этого последнего определяется его род, падеж и число» (курсив везде авторский).

Изложенный здесь взгляд на зависимость слов друг от друга ведет к коренному пересмотру вопроса о том виде связи, который обычно называется связью «приложения» с его определяемым. Ведь в сочетаниях «красавица-зорька», «красавицы-зорьки» и т. д. падежные приметы имеются в обеих сочетающихся величинах, и в то же время, даже если не связывать здесь дела с «предметностью» их обеих, нет ни малейшего основания утверждать, что и в *этих* случаях данное отношение выражено только в одной из них. Напротив, есть веские доводы в пользу того, что оно выражено как раз в *обоих* словах. Дело в том, что в сочетании, положим, «дожидаюсь красавицы-зорьки» имеются три связи, а не две: 1. дожидаюсь красавицы, 2. дожидаюсь зорьки и 3. красавицы-зорьки. Первые две явно односторонни, т. е., по вышесказанному, подчинительны. Но третья ведь как раз и создается-то фактом *совпадения* первых двух связей, т. е. фактом одинакового отношения данных двух слов к третьему. А если так, то и отношение *между ними*, в отличие от отношений каждого из них к этому третьему, должно выражаться как раз в них *обоих*. Правда, с помощью определенных ритмо-мелодических средств (цельное произношение) это совпадение создает здесь еще особое значение реального тождества *обоих* понятий, обозначение ими одного и того же предмета (срвн. произношение в тоне перечисления: «дожидаюсь красавицы, зорьки...», где то же совпадение уже не создает такого значения, а напротив, с помощью другой ритмо-мелодики создает значение реальной двухпредметности). Но совпадение двух наименований в одном реальном образе само по себе еще не дает никакого права утверждать, что одно наименование относится к другому не так, как это другое к первому. И фактически мы знаем, что синтаксисты, признающие связь «приложения» как подчинительную связь, сами сознаются всегда, что есть ряд случаев,

когда невозможно определить, что к чему «приложено».⁵ Этого не могло бы быть, если бы зпечатление подчинения создавалось здесь *грамматическими* средствами. Ясно, что оно идет здесь от лексики и логики, и это и выражено в следующих строках (IV, стр. 25): «Обоюдной связью можно назвать такую определяющую связь, при которой оба вступающие в сочетание слова стоят в одинаковых или имеющих одинаковое значение формах и этим обозначены как стоящие между собою в атрибутивной или предикативной⁶ связи, т. е. являются как бы взаимно определяющими; по смыслу и в таких сочетаниях можно различать определяемое и определяющее:..., но это различие уже не грамматическое». Или в другом учебнике (VII, ч. II, стр. 245): «Заметьте, что соединение одинаковых падежей существительных в одну цельную группу тоже называется согласованием, но согласованием особого рода: *взаимным*. Значит, здесь не одно слово согласуется с другим, а два слова согласуются *друг с другом*» (курсив везде авторский).

Говоря о подчинении нельзя не упомянуть о подчинении *предложений* друг другу, или так называемом гипотаксисе. Известно, что отыскать внешние признаки этого оттенка в огромном большинстве случаев (именно во всех тех, где нет указаний со стороны форм сказуемости подчиненного предложения или со стороны порядка слов в нем) теоретикам не удастся. В рассматриваемой литературе, в силу общей ее установки на соотносительность звука и значения в области формы с одной стороны и в силу отсутствия в русском языке вышеуказанных несомненных признаков гипотаксиса с другой, господствует в общем отрицательное отношение к различению гипотаксиса и паратаксиса. Отдела о «главных» и «придаточных» предложениях внутри «фразы» в большинстве учебников нет (хотя, напр., среди цитируемых в этой статье в I, II, III, V, VII это различие сохраняется). Но в одном из учебников (VII, ч. III, стр. 189 и сл.) есть попытка найти *внешние* признаки подчинения и сочинения предложений и притом такие, которые *общие всем индо-европейским языкам*. Так как в учебнике это сделано

⁵ См., напр., у Шахматова в «Синтаксисе русского языка» вып. I, стр. 283.

⁶ Так называем. «второй именительный» в отношении согласования сам по себе конечно, совершенно аналогичен приложению, но посредством связки он всё же может быть поставлен в подчиненное отношение, к подлежащему. Автор данного учебника не признает ни «нулевой связки», ни значения форм согласования связки для различения между «первым» и «вторым» именительным. Отсюда у него полное приравнение второго именительного в рассматриваемом отношении к приложению.

В самом зачаточном виде, а та же теория развита впоследствии тем же автором в его чисто научной работе,⁷ то мы вынуждены, чтобы не выходить за пределы темы, отослать читателя к этой последней.

Выше, при обсуждении вопроса о ритмо-мелодической природе фразы, мы упоминали, что в рассматриваемой литературе деятельно ведется изучение фразных ритмо-мелодических фигур русского языка. Здесь стимулирующим моментом явилась уже исключительно практика. Еще до революции одним из лингвистов-методистов была выставлена новая теория пунктуации.⁸ Теория эта сводилась к тому, что существующая пунктуационная практика фактически базируется, вопреки школьным правилам, главным образом не на формально-грамматической стороне речи, а на ритмо-мелодической. Формально-грамматическая сторона отражается в ней, главным образом, в порядке *запрещения*, т. е. в известных случаях определенные ритмо-мелодические фигуры и границы по формально-грамматическим причинам на письме не обозначаются. В порядке же положительной рекомендации тех или иных знаков препинания, т. е. в вопросе о том, где и какой знак ставить, прямо определяющим началом является не грамматика, а ритмо-мелодика. Таким образом, с грамматикой в собственном смысле слова, пунктуация, по мнению автора, оказывается связанной не прямо, а косвенно, через посредство ритмо-мелодики, поскольку эта последняя сама с ней связана. Эта концепция была соединена у автора с интонационно-психологическим *истолкованием* всех знаков препинания. После революции автор продолжал свою работу, но влил ее уже, под влиянием изменившихся обстоятельств, в форму учебника для самого младшего возраста (VII, ч. I). В результате получилось описание ряда ритмо-мелодических фигур, внешне и терминологически связанное, правда, с пунктуацией («запятая повышения», «запятая понижения», «предупредительное двоеточие», «объяснительное двоеточие» и др.), но по существу дела являющееся обнаружением фактов русского ритмо-мелодического синтаксиса. При этом и здесь проявляется неуклонно все та же общая тенденция рассматриваемой литературы: с одной стороны истолковывать *семантически* всякий внешне-звуковой (в данном случае внешне-интонационный) грамматический факт, а с другой стороны не отождествлять такого

⁷ См. А. М. Пешковский «Русский синтаксис в научном освещении», ГИЗ, 1928, стр. 528 и сл. и его же «Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики», ГИЗ, 1929, стр. 109 и сл.

⁸ А. М. Пешковский. «Школьная и научная грамматика», 1914 г. гл. III, а во всех последующих изданиях, пореволюционных, и гл. IV.

Истолкования с *вещественно-логической* стороны дела. Само собой разумеется, что изложить здесь подробно результаты всей этой работы не позволяет место. Мы приведем лишь несколько иллюстраций к вышесказанному. Так, при сопоставлении друг с другом двоеточия перед прямой речью («он сказал: завтра я уезжаю»), двоеточия перед назывными словами и сочетаниями («имею честь представиться: такой-то»), двоеточия перед перечислением («тут собрались все: и женщины, и дети, и старики»), двоеточия перед разъяснительной частью фразы в тех случаях, когда в предыдущей части есть слово предупреждающее о разъяснении («он вот какой мошенник: сперва надует, а потом надругается») выяснилось, что при всей логической разнородности этих четырех случаев, они совершенно тождественны *ритмо-мелодически* и *психологически*. Именно, в первом отношении здесь можно констатировать в первой части фразы нисходящую интонацию, несколько ускоренный темп тревожного характера и крайне-резкое фразное ударение на слове, которое предупреждает о последующей части фразы («сказал», «представиться», «все», «вот») при особо-кратком, отрывистом произношении ударного гласного этого слова и сосредоточении максимума понижения именно на этом гласном; кроме того между первой и второй частью производится обязательно очень большая пауза (не меньшая, чем в конце фразы). Во втором отношении фигура эта характеризуется значением *предупреждения* о том, что в следующей части фразы, после паузы, последует разъяснение того слова, на котором в предыдущей части сделано вышеописанное ударение. Другой пример. В ряде случаев двоеточие ставится между двумя частями фразы, не связанными друг с другом союзом и стоящими друг к другу в отношении поясняемого к поясняющему, причем специально-предупреждающее о последующем пояснении слово обычно отсутствует («ничего не поделаешь: пропустил все сроки»). Выяснилось, что в этих случаях имеется особая пояснительная интонация, заменяющая собой союз. Самой характерной ее чертой является ритмо-мелодическая соотносительность и однородность обеих частей фразы, при ослабленных по сравнению с предыдущим фразных ударениях и опять таки нисходящем характере их. Смысл же этой фигуры всецело покрывается смыслом выпускаемого здесь союза. Подобным же образом анализируются и другие типические случаи употребления знаков препинания. В результате получается описание наиболее *элементарных* и *общих* (почему они и нашли себе отражение в пунктуации) ритмо-мелодических *шаблонов* русского языка. Правда, в значительной мере это описание затрагивает, конечно, ритмо-мело-

дику именно русского языка, а не ритмо-мелодику вообще. Но если учесть, что в данной области языки как раз вообще менее индивидуальны, чем в области чисто-фонетической или интонационно-слоговой, и далее, если учесть, что немногие научные работы этого рода крайне слабо учитывают синтаксическую сторону дела, то нельзя будет не признать, что все вышеизложенное имеет и общее значение.

Отметим еще два наблюдения одного из учебников (V), имеющие по нашему мнению большое методологическое значение. Первое — это целая теория о «сдвиге формальных значений». Автор признает такой «сдвиг» и в употреблении существительного в роли приложения (стр. 43 и сл., «падеж из управляемого становится согласуемым»), и в субстантивировании прилагательного, и в изоляции косвенного падежа существительного («сдвиг в сторону наречия: формальные значения числа, рода, особенно же падежа бледнеют и утрачиваются») и употребление переходного глагола в непереходном смысле и еще кое что другое. Собственно, с толкованием именно данных явлений, как «сдвигов» мы, по большей части, не согласны, но считаем методологически чрезвычайно ценным внесение понятия переноса значения в область грамматики. У автора прямо проводится аналогия между такими «сдвигами» и обычной лексической метафорой. «Сдвиг формальных значений — говорит он —, это такая же транспозиция, перенос значения, какую мы видели (параграф 16) по поводу фразы «Мост стоит на быках», но только здесь транспозиция не семантическая, а грамматическая». Нам кажется, что эта точка зрения способна по новому осветить целые отделы синтаксиса, напр., учение о заменах времен и наклонений и, может быть, даже о природе отвлеченных существительных. Недаром в первом издании Grundriss'a Бругман про эти существительные говорил, что в них предметность произошла из метафоры.⁹ Быть может последовательное распространение понятия метафоры на область формальных значений окажется способным разъяснить многие недоумения.

Второе наблюдение затронуто в данной книге лишь мельком. Именно в параграфе о «синтагматике фразы» (стр. 26 и сл.) при анализе фразы «Маленький мальчик читает большую книгу», выясняется, что синтагматическое отношение существует не только между отдельными ча-

⁹ »Substantiva, die eine Handlung oder einen Zustand ausdrücken, verdanken ebenso wie die eigenschaftsbedeutenden Substantiva... einer Metapher ihren Ursprung, indem Thätigkeit und Zustand unter der Kategorie des Dinges aufgefasst wurden« (II, 1, S. 437) (переставить выноски).

стями слов и словами, но и между внешней синтагмой¹⁰ и словом, с одной стороны, и между отдельными внешними синтагмами с другой. Это создает «сложенные синтагмы». Так, в вышеприведенном примере синтагма «большую книгу» определяет собой слово «читает» и создает сложную синтагму «читает большую книгу», а эта последняя в свою очередь определяет синтагму «маленький мальчик» и создает вместе с ней еще более сложную синтагму, равную всей данной фразе. Нам кажется, что здесь нащупано как раз то, изучение чего является очередной задачей синтаксиса. До сих пор изучались почти исключительно сочетания слов внутри предложений. Но предложения ведь не прямо делятся на слова, а по б. ч. прежде всего на словосочетания, а уже эти последние на слова. Вот эти-то соотношения между словосочетаниями, как цельными единицами внутри предложений, а также между словосочетаниями и отдельными словами до сих пор совершенно не изучались, и теория синтагм (исправленная и дополненная учетом ритмико-мелодической стороны дела) является необходимым преддверием такого изучения.

В предыдущем описании мы затрагивали лишь то, что касается общих вопросов. Само собой разумеется, что в учебниках русского языка, имеющих выше изображенную исследовательскую установку, не может не быть огромного числа вновь открываемых синтаксических фактов специально в области русского языка. Но рассмотрение их вывело бы нас за пределы темы.

В заключение позволим себе выразить общее убеждение в том, что как ученые, интересующиеся общими вопросами синтаксиса, так и ученые, интересующиеся специально синтаксисом русского языка, не могут в настоящее время ограничиваться знакомством с соответствующими научными русскими трудами, а должны быть основательно знакомы и с русской учебной литературой.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

• Список книг, на которые в тексте сделаны ссылки:

1. Проф. А. Л. Булаховский. Краткий учебник русского языка и правописания для школ взрослых и подростков. Издание второе (в сотрудничестве с Н. М. Баженовым). Издательство «Пролетарий», 1928.

¹⁰ Синтагмой автор называет всякую «комбинацию определяемого и определяющего», при чем слово для него — «внутренняя синтагма», а словосочетание — «внешняя синтагма».

II. В. Гиппиус. Синтаксис современного русского языка. 6-е исправл. изд. Л. Гиз, 1925.

III. П. А. Дудель. Грамматика русского языка и синтаксис (в связи с морфологией). Государственное издательство. Москва. (Год не указан).

IV. Николай Дурново. Повторительный курс грамматики русского языка. Выпуск II. Синтаксис. Часть I. Введение к учению о формах словосочетаний. Государственное издательство. Москва—Ленинград, 1929.

V. С. И. Карцевский. Повторительный курс русского языка. Государственное издательство. Москва—Ленинград, 1928.

VI. М. Н. Петерсон. Русский язык. Пособие для преподавателей. Государственное издательство. Москва—Ленинград, 1925.

VII. А. М. Пешковский. Наш язык. Книги для учителя. Ч. I. (Год не указан). Ч. II, изд. 3-е, 1926 г. Ч. III. 1927 г. Государственное издательство. Москва—Ленинград.

VIII. А. М. Пешковский, М. Н. Андреевская, А. П. Губская. Первые уроки русского языка. Ч. I, II. 1928. Государственное издательство. Москва—Ленинград (ч. III. печатается, цитируется по рукописи).

IX. Проф. Д. Н. Ушаков. Русский язык. Краткое систематическое школьное руководство по грамматике, правописанию и произношению. Изд. 6-е. Государственное издательство. Москва—Ленинград, 1929.

X. А. Б. Шапиро. Грамматика, правописание, пунктуация. Пособие для первого концентра. II ступени. Государственное издательство. Москва—Ленинград, 1928.

STÁTNÍ TISKÁRNA

V PRAZE.